

DOI: 10.31857/S086919080003958-0

БАССАЛИТЕТ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ ИМПЕРИИ ЦИН С МОНГОЛИЕЙ И ТИБЕТОМ

© 2019

С. Л. КУЗЬМИН

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
SCOPUS AUTHOR ID: 35473322900
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359, ipe51@yahoo.com

Резюме: Обсуждаются формирование отношений вассалитета в Европе и их дальнейшая трансформация, а также различные формы феодального подчинения в государствах Азии. Показано, что, хотя разнообразие таких форм в Азии выше, чем в Европе, по некоторым из них имеется сходство. Выделено несколько типологических признаков вассалитета, общих для Европы и Азии: подчинение нижестоящих представителей знати (вассалов) вышестоящим (сеньорам, монархам) с клятвой верности, обязательством или письменным соглашением; служба (особенно военная, но также административная, и/или помощь, выплата дани, налогов и т.п.) вассалов сеньорам; пожалование вассалам сеньорами земли, другого имущества или прав в обмен на верность и службу; одинаковое понимание обеими сторонами данных отношений. Те формы отношений, которые не включали какой-либо из этих признаков, нельзя считать вассалитетом. Не являлись им и ситуации, когда обе стороны трактовали свои отношения по-разному. Монголия в цинское время была вассалом маньчжурской династии, но Тибет не был им. Связи Тибета с империей Цин лучше всего описываются отношениями «наставник–покровитель», так как только этот тип отношений не отрицали обе стороны.

Ключевые слова: империя Цин, Китай, Монголия, Тибет, Европа, Азия, вассалитет, вассалы, сеньоры, сюзеренитет, власть, монархия, династия, феодализм.

Для цитирования: Кузьмин С.Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 39–54. DOI: 10.31857/S086919080003958-0

THE PROBLEM OF VASSALAGE IN THE WEST AND THE EAST: RELATIONS OF THE QING EMPIRE WITH MONGOLIA AND TIBET

© 2019

Sergius L. KUZMIN

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
SCOPUS AUTHOR ID: 35473322900
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359; ipe51@yahoo.com

Abstract: The article discusses the vassalage emergence and transformation in Europe with regard to different forms of feudal subordination in the Asian states. The author argues that there were similarities between these forms in Europe and Asia though they were more diverse in the East. He proposes a general typology of vassalage based on its similarities throughout the world as follows: subordination of lower nobles (vassals) to higher ones (lords and monarchs) expressed in the oath of fidelity, obligation or written agreement; duty of service (military, administrative, and/or aid, payments, tribute or taxes) by vassals to lords; land, other property or rights held by vassal from his lord and/or in exchange for his fidelity and service to the lord; identical understanding of the vassal – lord relations by both parties. Any other forms of relations excluding at least one of the above mentioned points cannot be defined as vassalage. The vassalage relationship did not emerge also in cases when both parties considered in it considered their relations differently. Thus Mongolia was a vassal to the Manchu Qing Dynasty, but Tibet was not. Tibet relation to the Qing Empire should be rather defined based on the “priest–patron” model.

Keywords: Qing Empire, China, Mongolia, Tibet, Europe, Asia, vassalage, vassals, lords, suzerainty, authority, monarchy, dynasty, feudalism.

For citation: Kuzmin S. L. The problem of Vassalage in the West and the East: relations of the Qing Empire with Mongolia and Tibet. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 39–54. DOI: 10.31857/S086919080003958-0

Широко распространено мнение, что и Монголия, и Тибет в XVII–XVIII вв. стали частями или вассалами Китая, который обычно приравнивается к империи Цин, созданной завоевателями-маньчжурами. Есть два подхода к тому, что представляли собой «иностранные династии Китая». Один – что они правили полиэтническими империями со Средним государством (Чжунго, т. е. Китаем) в «центре» (от Центральной равнины – центра ареала ханьцев, т. е. китайцев) и «периферией», причем в такие периоды понятие Среднего государства распространялось из «центра» на «периферию», так как его на себя принимали и представители живших там этносов [Li, 2008, с. 340–350]. Другой подход – что эти династии использовали разную легитимацию для своего правления или влияния на разные этносы (монголов, ханьцев, тибетцев), в понятие Среднего государства вкладывали другой смысл, чем ханьцы, а само китайское понятие династии – *чао* принципиально отличается от европейского и должно трактоваться как государственное образование [Доронин, 1995, с. 157; Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17]. В частности, монголы использовали китайское название своей династии Да Юань как синоним Их Монгол улус – Великое Монгольское государство [Kim, 2015, с. 300–301].

В связи с этим, возникает вопрос о статусе «периферии» и/или зависимых территорий в цинский период, в то время как завоеванный «центр» управлялся как совокупность провинций, и их статус не вызывает дискуссий.

Для прояснения данного вопроса важно четко определить понятие «вассалитет», широко трактуемое в литературе не только для разных форм подчинения на феодальном Западе (см., например, [Reynolds, 2001, с. 13]), но и на Востоке, обычно без уточнений (например, [История Востока..., 2002, 2004]), причем нередко и для дофеодальных обществ (например, для Угарита – XIX–XII вв. до н.э.: [Van Soldt, 2010, с. 198–207]). С. Рейнолдс справедливо отмечает, что нельзя трактовать европейский вассалитет через его интерпретации XVII–XVIII вв. При этом даже в старых источниках слова, обычно переводимые как «вассал», могли иметь разный смысл [Reynolds, 2001, с. 3, 23], и уже в средние века в Европе этот термин иногда трактовался широко и применялся даже к крепостным и простым арендаторам [Bloch, 1982, с. 442].

Исходя из точного понятия вассалитета и места его происхождения – Западной Европы, следует выделить его типологические признаки и, на основе анализа форм властеотношений на Востоке, выявить те из них, которые могут соответствовать этим признакам.

ЕВРОПА

Слово *vassi* впервые встречается в Салическом законе¹ начала VI в., где означает слуг без конкретных коннотаций их статуса. В конце VIII в. в государстве франков это слово, или иногда *vassali*, стало более обычным и, по-видимому, использовалось для мирян, которые служили королям и другим господам в их войсках, выполняя задачи обороны и управления. Тогда же появились слова *feo*, *feus* (как ежегодная рента), от которых произошли слова *феод* и *фьеф* [Reynolds, 2001, с. 84–85]. Церемония установления вассалитета впервые датируется 757 г. во франкских анналах, хотя это может быть позднейшей вставкой [Ganshof, 1939, с. 155–156].

¹ Свод обычного права племени салических франков.

Уже при Карле Великом королевские вассалы разделялись на две группы: *casati* (получившие от короля *бенефиций* – земельное пожалование) и *noncasati* (не получившие). Последние – те, кто входил в непосредственное окружение короля, жили обычно при дворе, но часто направлялись со специальными миссиями. Их обеспечивал непосредственно король. Вассалы, не имевшие бенефиция, могли надеяться его получить [Ganshof, 1939, с. 151]. Карл Великий увеличивал число бенефициев свободным людям, чьей верностью хотел заручиться, обязывал их приносить ему клятву верности, поощрял своих вассалов делать новых вассалов из их подданных². За бенефиции короли требовали от вассалов в основном военной помощи и, начиная с середины IX в., для обозначения вассала понятие *miles* (воин) часто используется вместо понятия *vassus* (слуга). Этот процесс привел к установлению наследственности бенефициев [Ле Гофф, 2005, с. 65–66]. Мелкие землевладельцы также стремились подчиниться более крупным сеньорам, чтобы получить защиту и покровительство [Средневековая Европа..., 1997, с. 49].

Установление вассалитета было торжественным обрядом, общая схема которого (с некоторыми различиями по странам) была следующей. Первой фазой был *оммаж* (*hominium*), обычно состоявший из двух актов. Первый акт был вербальный и обычно содержал обязательство вассала сеньору стать «Вашим человеком». Второй акт – «сплетение рук» (*immixtiomanium*), когда вассал вкладывал свои сложенные ладони между ладоней сеньора. Затем вассал произносил клятву верности, за которой мог следовать, как во Франции, взаимный поцелуй, после чего он становился «человеком сеньора». По такому договору вассал обязан был давать сеньору советы, от его имени вершить суд, оказывать помощь, особенно военную, в определенных случаях финансовую. Принятие в вассалы завершалось инвеститурой *фьефа* – пожалования (обычно в земельной форме, иногда в денежной) в обмен на верность вассала, а также с целью дать ему возможность нести службу. Во время церемонии инвеституры вассалу передавался в качестве символа какой-либо предмет (штангарт, жезл, кольцо, нож, перчатки, прут, солома, книга и т. д.). Ш. дю Канж перечислял 98 таких символических объектов, по другим источникам их было даже больше. До XIII в. передача фьефа оформлялась письменным актом лишь в исключительных случаях. Если в более ранний период сеньор владел фьефом по праву, подобному праву римской собственности, а за вассалом было право пользования доходами, то с XI в. право вассала сильно выросло и приблизилось к праву собственности, которое далее усиливалось в связи с установлением наследственности фьефа. Против неверного вассала сеньор мог принять меры, главной из которых была конфискация фьефа. Вассал, в свою очередь, мог отказать в верности сеньору, который не выполнял обязательств. Теоретически такой отказ должен был торжественно провозглашаться и сопровождаться отказом от фьефа. Почти каждый вассал был человеком нескольких сеньоров, поэтому наиболее могущественные из последних добивались принесения им высшего – «тесного» оммажа [Средневековая Европа..., 1997, с. 50–52; Ле Гофф, 2005, с. 112–114, 350; Le Goff, 1980, с. 237–287, 355–356; Ganshof, 1939, с. 147–175; Bloch, 1982, с. 452; Reynolds, 2001, с. 17–21; Coredon, Williams, 2004, с. 120, 124, 156, 287].

Фьефы обычно формировались одним из двух способов: сеньор даровал вассалу имущество (обычно землю) в держание, или же вассал отдавал сеньору свое ранее неотчуждаемое имущество (аллод) и получал его обратно в качестве фьефа. Для наследования фьефа требовались новый оммаж или инвеститура [Reynolds, 2001, с. 48–49]. В капитуляриях (законах) времен Каролингов различия между бенефицием и аллодом были очень четки [Ganshof, 1939, с. 161].

² Это заложило основу практики «вассал моего вассала – не мой вассал», положившего начало феодальной раздробленности в Европе.

В сфере социально-правовых отношений для Запада после XI в. были характерны условный характер феодальной земельной собственности, вассально-ленная и иерархическая структура класса феодалов, основанная на ней система феодального ополчения, сословно-корпоративный характер общества. На смену раннефеодальным политическим формам – внешне объединенным, но крайне аморфным государствам типа империи Каролингов – пришла феодальная раздробленность. С конца XII – XIII в. тенденции развития ряда государств расходятся: во Франции, Англии, Испании, Скандинавских странах в XIII–XV вв. раздробленность уступает место относительно централизованным государствам типа сословно-представительных монархий. В других странах консолидация идет на уровне отдельных территорий (Германия) или городов-государств (Италия); в Центральной Европе долго сохранялась раздробленности с более медленным, чем в Западной Европе, складыванием сословно-представительных монархий [Гутнова, Удальцова, 1975, с. 107–123]. Соответственно несколько различался характер землевладения и прав на землю монархов и нижестоящих феодалов [Reynolds, 2001].

Вассалитет претерпевал трансформацию во времени. Традиционно его узы были формой зависимости, типичной для высших классов. Вассалом мог стать только свободный человек (Ле Гоф, 2005, с. 461). Далее он считался благородным потому, что был вассалом. С тех пор примерно до середины XIII в., теоретически, невозможно было быть вассалом (т. е. иметь фьеф), не будучи благородным по рождению. Но затем становилось все больше исключений, церемония становления вассалом упрощалась. Если поместья покупали неблагородные, то от их субвассалов обычно не требовался оммаж, а требовалась только клятва верности (иногда и она не требовалась), плата налогов и податей. Клятва верности часто заменялась письменным соглашением [Bloch, 1982, с. 327, 450].

Итак, главная особенность вассалитета – предоставление материальных выгод вассалу в обмен на ясно выраженные подчинение и службу сеньору при одинаковом понимании этих отношений обеими сторонами. Со временем отношения вассалитета все более превращались в формальность, теряли иерархичность, и в период позднего феодализма в основном определялись подданством феодалов непосредственно монархам. Дальнейшая трансформация привела к тому, что в новое время одно из основных понятий, имевших отношение к вассалитету, сюзеренитет, наполнилось новым содержанием (подробнее см. ниже).

Монархии Византии и России были евразийскими как географически, так и социально. По Византии есть широкий спектр взглядов – от признания там феодализма, но с резким отклонением его от западной схемы, до отрицания там феодализма, сближения со странами Востока (в связи с гипертрофией госсобственности на землю) и даже аналогии с Китаем. Византийский император жаловал казенные земли, но не мог жаловать деревни свободных крестьян (в отличие от стран Востока). Подобно Западу, государственные земли, пожалованные феодалам (прониарам), могли быть отобраны и переданы другим. Однако условная земельная собственность не получила такого распространения, как на Западе, близкие к последнему формы землевладения или землепользования складывались лишь в XII в.: *прония* – близкая к бенефицию, и *гоникон* – пожалование земли в наследственное владение при условии несения феодалом определенной госслужбы. Государство взимало с имений феодалов определенную норму налогов. Однако вассально-ленная система в Византии осталась слабо развитой: феодальные дружины (этерии) здесь выступали чаще как свита, а не как вассалы [Удальцова, 1975, с. 124–157].

В «домонгольской» Руси в сфере добровольных отношений подчинения выделяются, прежде всего, обязательства друг перед другом обеих сторон. Эволюция феода происходила в направлении принятия им формы земельных пожалований и в перерастании его из массового в элитарное явление. Имели место и формы неземельного вознаграждения за службу. Раздача киевскими князьями княжеских столов на местах своим сыновьям

также представляла форму такого вознаграждения. Постепенно складывалась практика превращения в наследственное владение княжества-волости по бенефициальному, а затем по вотчинному праву. Поземельная форма вознаграждения за службу стала распространяться на боярство. Сюзеренитет-вассалитет на Руси опирался на право, которое, в отличие от западного, было неписаным [Мининкова, 2005]. Боярство происходило из «старших» членов княжеских дружин, тогда как из «младших» к XV–XVI вв. сложилось дворянство, получавшее землю за военную службу. Позже (при Петре I) дворянство составило единую социальную группу с боярством.

АЗИЯ

Общие отличительные черты восточного феодализма от западного – повышенная роль государства, более жесткая централизация, господство госаппарата; переход от древних формаций к феодальной был сильно растянут. В результате возникновения ряда «синтезированных» форм архаики с феодализмом на Востоке, в отличие от Запада, сложилась множественность типов феодализма. В «лоскутных» феодальных империях Востока имелся широкий спектр обществ: родоплеменные, вождистские, ранние военно-феодальные и поздние бюрократические. В отличие от Запада, где было велико влияние частной собственности феодалов, на Востоке главенствовало государство и феодалы обычно были не частными собственниками, а лишь владельцами земли [Непомнин, Иванов, 2010, с. 14–34].

Считается, что в азиатском феодализме правила бюрократическая среда, спаянная корпоративностью госаппарата, тогда как в западном была частно-феодальная система, основанная на личностных началах, т. е. взаимных обязательствах. В результате в Азии господствовали не личностные и договорные, а корпоративные и безусловные отношения начальства и подчиненных [Непомнин, Иванов, 2010, с. 47–48]. Это не совсем точно, если учесть, что и на Востоке переход в подчинение в ряде случаев был связан с обоюдными обязательствами.

На Востоке религиозная легитимация власти монарха имела большее значение, чем на Западе. Еще у прототюркских и протомонгольских кочевых народов возникло представление о верховной власти хагана. Позже ему стали приписывать сверхъестественные свойства; его власть – воля Неба, верность и подчинение ему – закон Неба; хаган – основа существования вечного государства, нет хагана – нет государства. Свои притязания на мировое господство монголы в XIII в. обосновывали волей вечного Неба [Бира, 1976, с. 67–68]. Эти взгляды близки к китайским относительно власти единственного в мире императора, правящего по мандату Неба, но, очевидно, формировались параллельно им, а не преемственно. Маньчжурские императоры восприняли монгольские и китайские взгляды на высшую власть. Согласно китайской концепции, в мире может быть только один император, «Все, кто под Небом, подчиненные императора», следовательно, для императора в мире нет «внешнего», причем «варвары» – тоже объект императорской власти [Мартынов, 1978, с. 39–41]. Аналогично, византийские императоры, а после них – османские султаны считали свою власть божественной и неограниченной.

В Азии было широко распространено данничество, в ряде случаев являвшееся единственным признаком зависимости одного государства от другого. С давних времен обычной практикой была выплата дани оседлыми народами кочевникам за отказ от набегов. По-видимому, последний пример – дань Российского государства Крымскому ханству как реликт отношений русских монархов с Золотой Ордой, ханы которой в свое время выдавали ярлыки русским князьям и духовенству на право управления и владения имуществом, в том числе землей. Более поздние примеры – дань Венеции и Рагузской республики султану Османского государства [Достян, 1998, с. 248; Kolodziejczyk, 2013,

с. 429], Венгрии – ему же после ослабления вассальной зависимости [Шушарин, 1998, с. 46–47]. В некоторых случаях традиция данничества сохранялась даже тогда, когда необходимость в этом отпадала. Например, Бирма даже после того, как была колонизирована англичанами, продолжала слать «дань» цинскому (маньчжурскому) императору; Непал платил ему «дань» до 1908 г., а после провозглашения Китайской республики выразил желание продолжать эту практику [Quan, 2008, с. 29–31].

Часто практиковалась помощь войсками с признаками подчинения. Например, такую помощь османским султанам оказывали Крымское ханство, курдские бейлики, некоторые арабские племена, причем крымские ханы принимали инсигнии власти от султана и нередко назначались им [Kolodziejczyk, 2013, с. 429; Krolikowska, 2013, с. 64–65]. Византийский император Иоанн V Палеолог согласился быть данником султана Мурада II, предоставил ему войско со своим сыном.

В других случаях отношения подчинения были более системными. Широко применялось пожалование земель в обмен на признание подданства, военную службу, присылку налогов. Например, в раджпутских государствах (Северная Индия, X–XI вв.) возник своеобразный кодекс взаимных обязательств: вассалы были обязаны уплатой дани, выражением покорности, присутствием и службой при дворе, помощью государю во время войны. В Виджаянагаре в XVI в. военачальники, получившие условное, но довольно постоянное владение, становились наместниками. Они были обязаны управлять этими владениями, содержать воинский контингент, отдавать налоги в казну [*История Востока*, 2002, с. 141, 484].

В империях Чингис-хана и его потомков представители аристократии получали от хана удел за службу. Чингисиды имели право на удел по рождению (позже улусы стали наследственными ленами). Пожалование закреплялось знаками инвеституры от хана – пайцзами. Чингис-хан завещал сыновьям требовать ежегодной явки вассалов к хану для утверждения держаний [Федоров-Давыдов, 1973, с. 47, 53–54]. Представители монгольской власти на завоеванных землях – баскаки, или дарги – контролировали местные власти и собирали налоги. Этот институт существовал при подчинившихся монголам местных династиях, например, в Грузии, Луристане, Фарсе, Кермане, Йезде, Герате [Пигулевская и др., 1958, с. 188–189], русских княжествах. В Иране еще до монгольского завоевания существовала условная собственность на землю – предоставление служилым людям на время службы или пожизненно доли ренты-налога с определенных госземель вместо платы за службу, что соответствует бенефицию: это подтверждалось вручением знамени и грамоты на владение. После монгольской династии Хулагуидов в Иране наиболее развитой формой феода стало наследственное пожалование территорий разного размера за военную службу и выставление воинов [Пигулевская и др., 1958, с. 105–115, 240–256].

Аналогичные пожалования монархами земель за службу с правом сбора на них налогов, суда и т. д. правителям племен, военачальникам, феодалам и другим представителям высших слоев общества практиковались на территориях многих государств Азии – например, Афганистана, Кабарды, Мьянмы, Малайи, Камбоджи [*История Афганистана*, 1982, с. 111, 129, 169; Можейко, Узянов, 1973, с. 64, 79; Спекторов, 1979, с. 46, 49; *История Востока*, 2004, с. 139–144; Непомнин, Иванов, 2010, с. 342]. В Японии самураи изначально служили господам за часть доходов с определенных территорий (подобных рентным фьефам на Востоке и в Европе), позже получали землю. Затем вассалы становились наследственными, должны были иметь землю, несли охранную и военную службу, регулярных налогов не платили, предоставляли разовые суммы на те или иные работы [*История Востока*, 2002, с. 342].

Воеводы Валахии и Молдавии, князья Трансильвании с XV–XVI вв. стали данниками османских султанов в обмен на внутреннюю «автономию» и внешнюю защиту. В отношении Молдавии и Валахии это сохранялось до XIX в. Они получали от султана специ-

альные дипломы, признавали, что власть им дал султан, были включены в иерархию османской знати. Султаны называли их своими рабами, как всех подданных. В XVI–XVII вв. там было два метода интронизации новых князей: выбор местной знатью с утверждением Портой, или прямое назначение последней. Султаны утверждали, что эти земли включены в их государство как остальные земли, а эти князья должны оборонять свои земли, как это делают губернаторы провинций. При этом сами правители и жители Валахии, Молдавии и Трансильвании считали, что санкция или номинация на правление их странами определяется волей султана. Конфирмация воевод включала их оммаж, который проходил по ритуалу, выражавшему подчинение султану, но с элементами интронизации византийских императоров. После оммажа воевода приносил клятву верности. Затем султан объявлял, что дает в управление княжество, которое воевода должен оборонять. Он вручал им несколько символов власти, но достаточно было штандарта, одежды инвеституры и диплома (получать диплом в османской практике должен был каждый чиновник). Султан мог смещать воевод с трона [Panaite, 1999–2000, с. 50–74]. Церемония оммажа, сходная с таковой на Западе, была применена и в период вассального подчинения венгерского короля султану [Бальфур, 2017, с. 176, 241]. Таким образом, и эти подданные, и султан одинаково понимали их отношения.

Для многих государств Востока была характерна тенденция к тому, что земля, получаемая в условное владение, становилась наследственной (например, Иран: [Пигулевская и др., 1958, с. 136]; Золотая Орда: [Федоров-Давыдов, 1973, с. 110, 125]; Паган: [Можейко, Узянов, 1973, с. 64, 79]; Камбоджа: [Спекторов, 1979, с. 46, 49]; Япония: [История Востока, 2002, с. 342]). Эта тенденция соответствует таковой в Европе в период развитого феодализма.

ИМПЕРИЯ ЦИН

В империи Цин была принята китаецентристская концепция об универсальной власти императора. В китайской истории понятия «удельные пожалования» (*фэнцзюнь*) и «владельческие князья» (*чжухоу*) вошли в употребление еще в ее древнейший период, и в традиционном китайском политическом сознании тема пожалования уделов никогда не теряла актуальности [Попова, 1999, с. 114–119; Zhang, 2006, с. 124–157]. Представление о том, что все окружающие народы являются вассалами – покорными или непокорными – Сына Неба (правителя Срединного государства), который, посредством своей благой силы *дэ*, постепенно смягчает их нравы и приводит к идее покорности, является одним из специфичных признаков Китая на протяжении его истории [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5].

Соответственно, «варварским» правителям китайские императоры давали титул *ван* (князь, король, подчиненный императору), диплом и печать. В ряде случаев посольства «варваров» прибывали в Китай лишь для того, чтобы наладить торговлю, получить богатые дары от императора, повысить свой статус, получить инвеституру и китайский титул. В периоды, когда власть империи ослабевала, имели место отношения, называемые «псевдоданничеством», «номинальным» или «ритуальным вассалитетом» [Духовная культура Китая..., 2009, с. 163].

Некоторые императоры, стремясь стабилизировать империю, площадь которой сильно увеличилась в результате маньчжурской экспансии, указывали, что ее народы нельзя делить на «внутренние» и «внешние» [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 8]. Вместе с тем именно такому делению соответствовала административно-территориальная делимитация имперских территорий: провинции («собственно Китай», затем также Маньчжурия и Тайвань) и присоединенные земли монголов и тюрков. Эти два типа территорий управлялись по-разному. Кроме того, влияние империи распространилось на Тибет.

Для «окраинных земель», ограждавших Китай, издавна использовался термин *вай-фань* (*вай* – внешний, *фань* – изгородь, что часто переводят как вассал). Согласно цинским источникам, термин *вайфань* имел три основных значения: 1) жители подвластных зависимых владений; 2) народы номинально подчиненных государств («внешние» вассалы, жители окраинных земель), 3) лишь поддерживающие связи жители независимых государств («иностранны») [Намсараева, 2003, с. 51]. Способ проявления «искренности» (*чэн*) «варваров» – их приезд с «данью» ко двору и подтверждением их «вассального» положения. Так как власть императора не имела четких территориальных границ, каждый, кто вступал во взаимодействие с его двором, уже в силу этого считался подпавшим под его власть. Но на практике «данничество» было инструментом, решавшим разные задачи и применявшимся к внешней политике, пограничным отношениям, административной власти [Мартынов, 1978, с. 43–55; *История Востока*, 2002, с. 161; *Духовная культура Китая*, 2009, с. 153].

Понятие «внешний вассал», наиболее существенное для нашего анализа, в цинский период не было постоянным. Например, в первой половине XVIII в. этот термин официально использовался для обозначения «даннической торговли» с соседними странами (например, Сиамом и Аннамом). Термин «вассальное государство» (*фаньго*) использовался для «зависимых стран» (или «стран-данников») и «вассальных племен». При разных императорах списки «стран-данников» различались, «внутренний» и «внешний» уровни отношений государственного «вассалитета» были относительно и варьировали во времени в зависимости от контекста [Zhang, 2006, с. 124–157]. В разное время в список цинских «данников» включались, например, Голландия, «страны Западного океана» (Португалия, Италия, Англия) и др. [Fairbank, Teng, с. 174–176].

Односторонняя квалификация их как «данников» или «вассалов» цинскими властями позволяла соответственно трактовать прибытие их представителей в Пекин. Например, император Хунли (Цяньлун) в 1793 г. принял посольство английского короля Георга III, обставив это как прием посольства данника и вассала. В письме королю император указывал, что властвует над миром, что короли всех государств предлагают ему дань, что английский король отправил данническое посольство, побуждаемый смиренным желанием приобщиться к благам его цивилизации, прислал дань. Он пожелал королю в будущем проявлять к императорскому трону еще больше преданности и верности (Modern History Sourcebook...). Данническая система международных отношений империи Цин просуществовала до второй половины XIX в.

Случай с Цяньлуном и Георгом имеет аналогии в другие периоды и в других частях света. Например, в титулатуре королей Англии до 1801 г. сохранялся титул «король Франции», означавший их претензии на эту страну [Калмыкова, 2009, с. 132–146]. Еще раньше, после неудачного похода на скифов, персидский царь Дарий (правил в 522–486 гг. до н.э.) односторонне включил причерноморских скифов в список подвластных ему народов [Дандмаев, 1985, с. 111]. Согласно пропаганде в Османской империи, дож Венеции, император Австрии, царь России – все были султанскими вассалами, по крайней мере, в течение какого-то времени. Но сами они так не считали. Например, в глазах Габсбургов дань, которую они платили султану до 1606 г., была не от Австрии, а от королевства Венгрии [Бальфур, 2017, с. 304; Kolodziejczyk, 2013, с. 427–429]. После провозглашения себя в 1806 г. вьетнамским императором, т. е. лицом, равновеликим цинскому императору, вьетнамский правитель Нгуен Тхе То ввел для «внутреннего потребления» концепцию двух Поднебесных: китайской и вьетнамской, но регулярно отправлял цинским императорам посольства с «данью». Соответственно, в официальной мифологизированной идеологии Вьетнама существовало представление об Англии и Франции как о «вассалах» императора [История Востока, 2004, с. 274].

Поскольку официальным историописанием в империи Цин занимались конфуцианские ученые, они препарировали историю так, чтобы она соответствовала китайской мироустроительной модели. Поскольку зачастую действия цинских императоров в их взаимоотношениях с иерархиями тибетского буддизма выходили за рамки «благотворного действия» китайской традиции, они зачастую официально не фиксировались или подносились в соответствующей интерпретации. В монгольских и тибетских источниках они описаны совсем по-другому [Успенский, 1996, с. 43]. Цинские императоры считались первосвященниками всех религий в пределах своего государства [Тимковский, 1824, с. 39–40], но использовали разные инструменты влияния на разные народы: для монголов они провозгласили свою преемственность с домом Чингис-хана, для китайцев – концепцию мандата Неба, для тибетцев – отношения «религиозный наставник – мирской покровитель» (подробнее об отношениях последнего типа см.: [Кузьмин, 2012, с. 261–273]). Ни одной из этих концепций нельзя отдавать приоритет, так как каждый народ считал себя связанной одной из них.

ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ И ТИБЕТА ОТ ИМПЕРИИ ЦИН

Согласно памятным запискам, подававшимся китайскими чиновниками цинским императорам, Монголия, Синьцзян и Тибет приравнивались к *вайфань* [Fairbank, Teng, 1940, с. 71]. С чем это связано?

В 1636 г. съезд князей южных и восточных монголов отправил к маньчжурскому императору Абаху (Хунтайджи) посольство с передачей ему титула Богдо-хана (Богдыхана) – верховного или священного, т. е. всемонгольского хана, императора. Абахай принял титул и пообещал сохранить за монгольскими князьями наследственное право на их уделы, неприкосновенность территории и жизненного уклада. Их отряды использовались Абахаем в боевых действиях против других монголов.

Позже подчинились северные монголы (халхасцы). Согласно китайским источникам, после поражения халхасцев от Джунгарского ханства в 1688 г. их мирской глава – Тушэту-хан и духовный глава – Джебцундамба-хутухта обратились к цинскому императору Сюань (Канси) от имени своего народа с просьбой о принятии в подчинение и управление. В 1691 г. ханы Халхи собрались на съезд в Долонноре. Там им был оглашен императорский указ, где объявлялось о введении для них административной системы, единой с уже подчинившимися монголами [Ермаченко, 1971, с. 213–239]. Значение Долоннорского сейма как акта, определившего юридический статус Монголии, спорно: провозгласив независимость в 1911 г., монголы утверждали, что если там и была принесена присяга на верность, «то она имела персональный характер и относилась лишь к маньчжурам, а вовсе не к китайскому правительству. К тому же в сейме участвовали далеко не все монгольские князья и постановления его не были закреплены письменным актом» [Коростовец, 2004, с. 34].

После захвата Джунгарии и уничтожения большей части ее населения, она была разделена Пекином на округа, которые поставили под управление командующих. Джунгарские князья были подчинены общим законам для Монголии [Бичурин, 1991].

Постепенно почти все земли исторической Монголии попали под власть цинских императоров, которые стали их верховными собственниками, но фактическими собственниками земли были монгольские удельные князья. Императоры раздавали титулы, должности и земли, что вело ко все большему дроблению Монголии. Не только нойоны (высшие аристократы), но и тайджи (дворяне) по достижении 18-летнего возраста должны были являться к императору за подтверждением своих титулов и званий: без этого они не могли пользоваться правами, связанными с происхождением [Позднеев, 1896, с. 16]. Во время приездов они подносили дорогие подарки («дань»). Обязанностью нойонов

было предоставление в распоряжение Цинского государства скота, в случае войны – определенного числа воинов. Сами же они получали от императоров регулярное материальное обеспечение.

В «Лифаньюань цзэли» («Установления Палаты по управлению внешними регионами») были четко прописаны регламент титулов, которые получают сыновья монгольских феодалов разных рангов, обязанность сыновей землевладельцев-феодалов (*дзасаков*) приезжать к императору в Пекин для получения достоинства дзасака по наследству, механизм разбора сложных случаев наследования, правила выделения жалованья (деньгами, продуктами и товарами) монгольским нойонам, очередность их приездов ко двору для засвидетельствования верноподданства, регламент привоза ими даров («дани») и выдачи им провизии по приезде [*Уложение...*, 1828, т. 1, с. 30–47, 148–186, 186–221], условия лишения чинов ханов и князей, бежавших в битве, необходимость мобилизации войска феодалами при нападении врагов и т.д. [*Уложение...*, 1828, т. 2, с. 6, 10].

Таким образом, главные принципы отношений маньчжурских императоров с монгольскими нойонами и тайджи – это принципы отношений сеньоров с вассалами, которые строились по той же общей схеме, что в Европе.

В 1911 г. Монголия объявила о своей независимости от империи Цин и Китая и подписала соглашение с Россией. В 1912 г. Цинская династия отреклась от трона и была провозглашена Китайская республика. Последняя не признала независимость Монголии. После долгих переговоров было подписано Кяхтинское соглашение Китая, России и Монголии 1915 г., признававшее Монголию автономией под сюзеренитетом Китая.

На ключевом понятии «сюзеренитет» остановлюсь подробнее. Изначально сюзеренитет был институцией европейского феодального законодательства, определявшей отношения сеньора и вассала, причем в ряде случаев сюзеренитет было трудно отличить от протектората – отношений, когда более сильное государство обязывается защищать более слабое при условии передачи управления международными отношениями последнего. Вестфальский мир (1648) разделил международную правоспособность между Священной Римской империей и составлявшими ее государствами, которыми были признаны суверенными, признающими сюзеренную власть империи [Van Walt, 1987, с. 102–106].

Один из ведущих российских специалистов по международному праву в начале XX в., Б. Э. Нольде, разъясняя международно-правовой статус Монголии в 1915 г., указывал, что формула сюзеренитета была классической в договорном праве XIX в. «Эта формула, при помощи которой осуществлялся процесс последовательного расчленения Турции и рождения новых государств Ближнего Востока. В тот раз, когда в трактатах прибегли к слову “сюзеренитет” для обозначения зависимости одного государства от другого, было дано, никогда не повторявшееся позднее, пояснение его значения. Оно содержалось в договоре об Ионических островах... 21 марта 1800 г. <...> Понятия “сюзеренства” и “вассальства” пояснены противопоставлением “сеньер, государь и покровитель”, с одной стороны, и “зависимость, подчинение и состояние под покровительством, верность и повиновение” – с другой. Вся совокупность идей западноевропейского феодального права здесь перенесена русскими дипломатами Павловского царствования на Восток с сохранением старинной феодальной терминологии. <...> Когда договоры говорят теперь о “сюзеренитете” одной страны в отношении другой, мы имеем дело с своеобразною пересадкою старинной феодальной терминологии для характеристики возникших лишь к началу XIX в. явлений взаимной зависимости государств. <...> Заимствовав старый термин, договоры XIX в. не могли связывать с понятием сюзеренитета того именно содержания, которое он имел в феодальном праве. <...> Сюзеренитет с точки зрения современного договорного права есть как бы презумпция полноты прав подчиненного государства: за исключением немногого, что предоставлено сюзерену, все принадлежит вассалу» [Нольде, 1915, с. 2217–2223].

Это разъяснение того, как изменилось правоприменение понятия вассалитета к началу XX в., является почти исчерпывающим. Можно добавить лишь, что, хотя в Кяхтинском соглашении говорится о сюзеренитете Китая над Монголией, слово «вассал» там не применяется. Это неудивительно: еще 8 апреля 1912 г. китайский президент Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Монголии, Тибета и Восточного Туркестана как вассалов, и этот декрет не был отменен. Следовательно, возникла еще одна новация: Китай стал сюзереном Монголии, но последняя не стала его вассалом.

Теперь посмотрим, как обстояло дело с Тибетом. В 1642 г. правитель монголов-хошутов области Кукунор – Турубайху Гуши-хан захватил власть над всем Тибетом и вручил ее Далай-ламе V (Шакабпа, 2003, с. 116–127). Так Тибет стал теократической монархией. В 1652–1653 гг. Далай-лама V и Гуши-хан посетили Пекин, где встретились с цинским императором Фулинем (Шуньчжи). Между Далай-ламой и императором установились отношения «наставник – покровитель».

Начало таким отношениям императоров с правителями Тибета в свое время было положено монгольским ханом Хубилаем, правившим государством Юань и давшим высшую власть над Тибетом главе буддийской школы Сакья. Предполагается, что теперь школа Гэлуг, представитель которой – Далай-лама, стала считать себя преемником режима Пхагмодру, правившего центральным Тибетом во времена империи Мин (после Сакья), и унаследовала отношения Пхагмодру с императором. Из того, что во времена династии Мин ее императоры, с ведома Пхагмодру, давали тибетцам титулы и печати, а тибетские миссии с «данью» прибывали к минскому (китайскому) двору, иногда делают заключение, что это был путь легитимации минской власти в Тибете [Schwieger, 2015, с. 63]. Однако, как сказано выше, эти атрибуты далеко не всегда были признаками реальной власти. Так, помимо тибетских земель, в империи Мин в разное время числилось 123 данника – в том числе те, кто даже не граничил с ней: Сирия, Япония, Борнео, Аден, «Рум» (Византийская и Османская империи), Могодишо и т. д. [Fairbank, Teng, 1941, с. 135–246].

После отъезда Далай-ламы Фулинь послал ему печать и золотой диплом, которые тот принял. Считая свои отношения с цинским императором продолжением отношений «наставник – покровитель» при Юань, Далай-лама V в двух своих документах указал, что пишет по приказу и уполномочению императора (как писали главы Сакья в юаньское время). Как верно отмечает П. Швигер, «Признание Далай-ламой V императора как источника власти никогда не подразумевало уступки императору права вмешиваться в тибетские дела. Он просто признал императора центром политического притяжения во Внутренней Азии» [Schwieger, 2015, с. 6–64]. Аналогичные данные Швигер приводит и по Далай-ламе XIII.

Итак, глава школы Сакья получил власть над всем Тибетом от монгольского великого хана, затем глава школы Гэлуг – от монгольского Гуши-хана, а затем эту власть признал маньчжурский император. Во всех случаях духовный наставник обеспечивал религиозную легитимацию власти мирского покровителя – императора или хана, обязанного оказывать помощь в мирских делах и поэтому имеющего право издавать соответствующие указы. Поэтому данные указы нельзя считать признаками присоединения Тибета к Монгольской или Цинской империи.

В 1792 г. цинскими чиновниками были подготовлены нормы «Тибетского уложения», которые позже вошли в «Лифаньюань цзэли». Из предложенных им положений тибетцы приняли только часть. Эти положения должны были способствовать упорядочению дел в Тибете. В Тибет назначались резиденты – амбани. Подобную роль неоднократно играли иностранные послы и советники в зависимых странах в разные эпохи. Кроме того, «Уложения» Лифаньюаня представляли власть амбаней скорее в идеальном виде [Кузьмин, 2010, с. 62].

При цинском доминировании Тибет не платил никаких налогов вовне: все шло тибетским духовенству и феодалам Тибета, земля как средство производства находилась в их руках [Мартынов, 1978, с. 183–184]. В «Лифаньюань цзэли» положений о Тибете гораздо меньше, чем о Монголии. Там указано, что два цинских амбаны (резидента) для Тибета наделяются «по всем частям гражданского устройства» равными правами с Далай-ламой и Панчен-ламой «в главном управлении Тибетом», остальные чиновники – подчиненные амбаней [*Уложение...*, 1828, т. 2, с. 241–242]. Далай-лама и Панчен-лама должны были ежегодно присылать к императору посольства и дань; есть перечень ответных подарков [*Уложение...*, 1828, т. 2, с. 191–192]. Это согласуется с выводом, что цинский двор пытался осуществлять контроль над церковной элитой Тибета, включив ее в имперскую систему присвоения званий и титулов, ожидая взамен соблюдения протокольных формальностей, которым тибетские власти всегда и следовали [Schwieger, 2015, с. 201].

В Тибет направлялись не только амбаны, но и более мелкие чиновники, цинские отряды для защиты Тибета, при отсутствии или малолетстве Далай-ламы назначались регенты, тибетские министры. Для недопущения злоупотреблений при выявлении новых перерождений высших лам (но не всегда) использовалась жеребьевка из Золотой урны, из которой сами амбаны или высшие ламы в их присутствии извлекали жребии с именами новых перерожденцев, которым затем от императора вручались печати и дипломы, удостоверявшие их подлинность.

Все эти признаки согласуются с китайской и цинской моделями императорского правления «периферией», но тибетцы не считали свою страну частью Китая. Они считали цинское доминирование помощью высшим ламам в рамках отношений «наставник–покровитель», что не отрицали и сами императоры. Фактически, Далай-лама всегда обладал большей властью, чем амбаны, и не заявлял о том, что Тибет является частью цинской территории.

7 сентября 1904 г. представители Великобритании и Тибета подписали в Лхасе конвенцию, которая отрицала прерогативу цинского правительства заключать договоры от имени Тибета. Правда, конвенция была подписана без ведома Далай-ламы XIII, который бежал от британского вторжения из Тибета в Монголию. 31 августа 1907 г. в Петербурге была подписана «Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета». По ней в дела Тибета обе державы обязались не вмешиваться, но при этом признали над ним сюзеренитет Пекина. Фактически, Тибету присваивался тот же статус, что был у государств, отделявшихся от Османской империи (см. выше). Однако и этот документ был разработан и подписан без участия Тибета.

Опасаясь потерять «внешние территории», цинское руководство приняло «новую политику» – курс на превращение Монголии и Тибета в ханьские колонии. После того, как Далай-лама покинул Лхасу и направился в Монголию, в Пекине был издан императорский указ, которым у него «конфисковался чин», а Тибет объявлялся «феодалным владением Китая» [Waddell, 1906, с. 500–501]. В 1908 г., на обратном пути в Тибет, Далай-лама прибыл в Пекин. Здесь в день рождения вдовствующей императрицы Цыси весь ее двор, Далай-лама и номинально правивший император отбили ей поклоны (хотя это было нарушением законов и традиций). Далай-ламе «вернули» титул «Великий, Благой, Самосуший Будда» – правда, теперь еще «Верный и Покорный» [Андреев, 2006, с. 174].

В декабре 1909 г. Далай-лама вернулся в Лхасу. В Тибет выступила цинская армия, и он бежал в Индию. 25 февраля 1910 г. в Пекине был издан указ, которым Далай-ламу второй раз «лишили звания» за бегство, неблагодарность, неповиновение императору и подстрекательство тибетцев к сопротивлению [*Россия и Тибет*, 2005, с. 135–137]. Теперь Пекин объявил своими вассалами Непал и Бутан, а на Тибет предъявил суверенные права: якобы стадия сюзеренитета уже прошла [Bell, 1924, p. 114]. Далай-лама и его министры отвергли это. Великобритания, Непал, Бутан и Сикким направили Пекину протесты.

Неоднозначность отношений цинских императоров с разными странами отразилась на отзывах иностранцев о статусе Тибета. В разное время иностранцы оценивали его как дружбу и покровительство, политическое верховенство императоров, зависимость от них, вассалитет, протекторат, влияние, независимость Тибета (см. обзор: [Кузьмин, 2014, с. 145]). Мнение цинских чиновников тоже было неоднозначным. В начале XX в., в связи с британской военной экспедицией в Тибет и последующими переговорами, британский посланник в Пекине Э. Сатоу в беседе с одним из высших имперских сановников, князем Цином И Куаном, спросил об отношениях Тибета к Китаю. Князь ответил: «Нет точного слова для выражения этого». На вопрос, является ли Монголия подданной Китая, он ответил «да», но на вопрос о Тибете ответил так: «Тибет весьма сходен в своей основе. Мы провели военные операции в Тибете в царствование Цяньлуна, и, как можно сказать, подчинили его себе»³. В дальнейших переговорах с Англией Пекин отказывался принимать термин «суверенитет» в отношении Тибета, так как считал, что лучше подходит термин «суверенитет» [Cheney, 2017, с. 11–13]. Очевидно, там знали о том, что вкладывали западные державы в эти понятия в начале XX в.

Жестокости цинских солдат в Тибете, аннексия территории и попытки «смещения» и «назначения» Далай-ламы привели к прекращению отношений «наставник–покровитель». Вскоре после отречения Цинской династии – 8 апреля 1912 г. – президент Китайской республики Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Тибета как вассальной территории. Он был приравнен к китайским провинциям, а жители объявлены гражданами Китая [*Россия и Тибет*, 2005, с. 178–179]. Тибетская сторона этот указ не признала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше были приведены главные формы подчинения одних феодалов другим в Европе и Азии. Хотя разнообразие форм такого подчинения в Азии выше, по некоторым из них есть большое сходство. Следовательно, с точки зрения типологии распространение понятия «вассалитет» на страны Азии оправдано даже в тех случаях, когда наличие в них «классического» феодализма, подобного западному, может оспариваться. Однако при этом надо четко следовать типологии, выводя за рамки понятия «вассалитет» другие формы зависимости.

Этимология слова «вассал» и исторически точное применение данного понятия относятся к службе и повиновению за пожалование. Можно выделить несколько типологических признаков вассалитета, общих для Европы и Азии: подчинение нижестоящих представителей знати (вассалов) вышестоящим (сеньорам, монархам) с клятвой верности, обязательством или письменным соглашением; служба (особенно военная, но также административная, и/или помощь, выплата дани, налогов и т. п.) вассалов сеньорам; пожалование вассалам сеньорами земли (в том числе собственной земли вассалов), другого имущества или прав в обмен на верность и службу; одинаковое понимание обеими сторонами отношений «вассал–сеньор».

На основании приведенных признаков можно сделать вывод, что, хотя понятие «вассалитет» возникло в феодальной Европе в VIII в. н. э., его корректно применять к аналогичным ситуациям подчинения, имевшим место до и после этого времени как в Европе, так и за ее пределами. Те формы отношений, которые не включают какой-либо из этих признаков, не являются вассалитетом: простое обложение данью или налогами, протекторат, военная служба как таковая, одностороннее объявление кого-либо вассалом, трак-

³ Имеются в виду вторжения маньчжурских войск в Тибет в 1750–1751 гг. в ответ на попытку тибетцев избавиться от цинского влияния. В результате цинское влияние там достигло максимума, но Тибет не стал частью империи.

товка подарков как дани, выдача печатей и дипломов без вассальной клятвы и службы и т. п. В целом, ситуации, которые одна сторона трактовала как вассалитет, а другая – нет, вассалитетом не являются.

Таким образом, монгольские княжества и ханства в цинское время были вассалами маньчжурской династии: они полностью соответствуют приведенным выше признакам. Тибет не был цинским вассалом, так как комплексу этих признаков не соответствует. Связи Тибета с империей Цин лучше всего описываются отношениями «наставник–покровитель», так как только этот тип взаимодействий не отрицали обе стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев С. М. *История Ирана. XX век*. М., 2004 [Aliev S.M. *History of Iran. XXth century*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Андреев А. И. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. СПб., 2006 [Andreev A.I. *Tibet in the policy of Imperial, Soviet and Post-Soviet Russia*. St. Petersburg, 2006 (in Russian)].

Бальфур Дж. П. *Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX века*. М. 2017 [Balfur J.P. *The Ottoman Empire. Six centuries from rise to fall. 14th–20th centuries*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Бира Ш. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов [Bira Sh. The concept of supreme power in historical and political tradition of the Mongols (in Russian)]. *Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongolici*. 1976. Т. 10. Fasc. 5.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). *Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени*. Элиста, 1991 [Bichurin N. Ya. (Iakinf). *Historical overview of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to present*. Elista, 1991 (in Russian)].

Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования*. М., 1975. С. 107–123 [Gutnova E. V., Udaltsova Z. V. To the problem of typology of developed feudalism in West Europe. *Problemy sotsialno-ekonomicheskikh formatsii. Istoriko-politicheskie issledovaniya*. Moscow, 1975. Pp. 107–123 (in Russian)].

Дандмаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М., 1985 [Dandmaev M. A. *Political history of Achemenid state*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток (Oriens)*. № 1. 2014 [Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Qing Empire as China: anatomy of the historical myth. 2014 (in Russian)].

Доронин Б. Г. Были ли «династиями» чао (дай)? *Общество и государство в Китае*. М., 1995 [Doronin B. G. Were chao (dai) dynasties? *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow, 1995 (in Russian)].

Духовная культура Китая. *Историческая мысль, политическая и правовая культура*. М.: Вост. лит. 2009 [Spiritual culture of China. *Historical thought, political and legal culture*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009 (in Russian)].

Ермаченко И. С. *Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.)*. Канд. дисс. М.: ИВАН СССР. 1971 [Ermachenko I. S. *Manchu-Mongolian relations before and after the formation of the Qing Empire*. Ph.D. Diss. Moscow: Institute of Oriental Studies, Acad. Sci. USSR, 1971 (in Russian)].

Иванов М. С. *Очерки истории Ирана*. М., 1952 [Ivanov M. S. *Account of the history of Iran*. Moscow, 1952 (in Russian)].

История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982 [History of Afghanistan from the most ancient times to our days. Moscow, 1982 (in Russian)].

История Востока. Восток в Средние века. М.: Вост. лит. 2002 [History of the East. The East in the Middle ages. Moscow, 2002 (in Russian)].

История Востока. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 1. М., 2004 [History of the East. The East in the modern time (end of the 18th – beginning of the 20th century). Book 1. Moscow, 2004 (in Russian)].

Калмыкова Е. В. Незаконченная война: притязания английских королей на французскую корону после 1453 г. *Диалог со временем*. 2009. № 29 [Kalmykova E. V. Not ended war: claims of English kings to the French crown after 1453. *Dialog so vremenem*. 2009. No. 29 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингисхана до Советской республики*. Улан-Батор. 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chingis Khan to Soviet republic*. Ulaanbaatar, 2004 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет. История независимости и оккупации*. СПб., 2010 [Kuzmin S. L. *Hidden Tibet. History of independence and occupation*. St. Petersburg, 2010 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. Отношения «наставник–покровитель» и проблема статуса Тибета. *Наука и буддизм*. Улан-Удэ. 2012 [Kuzmin S. L. “Priest–patron” relationships and the problem of status of Tibet. *Nauka i buddizm*. Ulan-Ude, 2012 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. Государственность Тибета. *Государственность народов Внутренней Азии*. Прага, 2014 [Kuzmin S. L. Statehood of Tibet. *Gosudarstvennost narodov Vnutrennei Azii*. Praha, 2014 (in Russian)].

Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Екатеринбург, 2005 [Le Hoff J. *Civilization of medieval West*. Ekaterinburg, 2005 (in Russian)].

Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений*. М., 1978 [Martynov A. S. *Status of Tibet in the 17th–18th centuries*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Мининкова Л. В. *Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси*. Докт. дисс. Ростов-на-Дону. 2005 [Mininkova L. V. *Suzerainty and vassalage in pre-Mongolian Russia*. D. Sc. Diss. Rostov-na-Donu, 2005].

Можейко И. В., Узьянов А. Н. *История Бирмы (краткий очерк)*. М., 1973 [Mozheiko I. V., Uzjanov A. N. *History of Burma (brief account)*. Moscow, 1973 (in Russian)].

Намсараева С. Б. *Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке*. Дисс... канд. ист. наук. М.: ИВРАН, 2003 [Namsaraeva S. B. *Institute of the Qing China governors in Mongolia and Tibet in the 18th Century*. Ph.D. Diss. Moscow, 2003 (in Russian)].

Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ*. М., 2010 [Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Typology of Asiatic societies*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии. *Право*. 1915. № 34, 35 [Nolde B. E. International position of Mongolia. *Pravo*, 1915. No. 34, 35].

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М. 1984 [Ottoman Empire and states of Central, Eastern and Western Europe in the 15th–16th centuries. Moscow, 1984 (in Russian)].

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Л., 1958 [Pigulevskaya N. V. et al. *History of Iran from the most ancient times to the end of 18th Century*. Leningrad, 1958 (in Russian)].

Попова И. Ф. *Политическая практика и идеология раннетанского Китая*. М., 1999 [Popova I. F. *Political practice and ideology of the early Tang China*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Россия и Тибет. М., 2005 [Russia and Tibet. Moscow, 2005 (in Russian)].

Спекторов Л. Д. *Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората*. М., 1979 [Spektorov L. D. *Feudal relations in Cambodia before the establishment of protectorate of France*. Moscow, 1979 (in Russian)].

Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. 1. *Рождение и становление средневековой Европы. V–IX вв.* Л., 1995 [Medieval Europe in the eyes of contemporaries and historians. Pt. 1. *Birth and development of Medieval Europe. 5th–9th centuries*. Leningrad, 1995 (in Russian)].

Тимковский Е. *Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 гг.* Ч. 2. СПб., 1824 [Timkovskii E. *Travel to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Pt. 2. St. Petersburg, 1824 (in Russian)].

Уложения китайской палаты внешних сношений. СПб., 1828 [Legislation of the Chinese Chamber of external relations. St. Petersburg, 1828 (in Russian)].

Успенский В. Л. Ламаистский Пекин: от Шунь-Чжи до Дао-Гуана. *Восток (Oriens)*. 1996. № 4. С. 40–51 [Uspenskii V. L. Lamaist Beijing: from Shunzhi to Daoguang. *Vostok (Oriens)*. 1996. No. 4. Pp. 40–51 (in Russian)].

Федоров-Давыдов Г. А. *Общественный строй Золотой Орды*. М., 1973 [Fedorov-Davydov G. A. *Social structure of the Golden Horde*. Moscow, 1973 (in Russian)].

Флоря Б. Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI – начале XVII в. *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.*

Ч. 1. М., 1998 [Florya B. N. Ottoman Empire, Crimea and states of East Europe in the end of 16th – beginning of 17th centuries. *Ottoman Empire and states of Central, Eastern and Western Europe in the 15th–16th centuries*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Шакабпа В. Д. *Тибет: политическая история*. СПб., 2003 [Shakabpa V. D. *Tibet: political history*. St. Petersburg, 2003 (in Russian)].

Шушарин В. П. Королевство Венгрия и Трансильвания во время войны османов с Габсбургами. *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 1. М., 1998 [Shusharin V. P. Kingdom of Hungary and Transylvania during the war between the Ottomans and Hapsburgs. *Ottoman Empire and states of Central, Eastern and Western Europe in the 15th–16th centuries*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Bell Ch. *Tibet: Past and Present*. New Delhi–Madras. [1924] 1992.

Bloch M. *Feudal Society*. Vol. 2. *Social Classes and Political Organization*. London–New York. 1982.

Cheney A. J. Tibet lost in translation: sovereignty, suzerainty and international order transformation, 1904–1906. *Journal of Contemporary China*. 2017. Vol. 26. No. 107.

Coredon C., Williams A. *A Dictionary of Medieval Terms*. Cambridge. 2004.

Fairbank J. K., Teng S. Y. On the Ch'ing tributary system. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1941. Vol. 6. No. 2.

Ganshof F.L. Benefice and Vassalage in the Age of Charlemagne. *Cambridge Historical Journal*. 1939. Vol. 6. No. 2.

Kim H. Was 'Da Yuan' a Chinese dynasty? *Journal of Song–Yuan Studies (Seoul)*. 2015. Vol. 45.

Kolodziejczyk D. What is inside and what is outside? Tributary states in Ottoman politics. *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the 16th and 17th centuries*. Leiden–Boston. 2013.

Krolikowska N. Sovereignty and subordination in Crimean – Ottoman relations (16th–18th centuries). *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the 16th and 17th centuries*. Leiden–Boston. 2013.

Le Goff J. *Time, Work and Culture in the Middle Ages*. Chicago–London. 1980.

Li D. “The Central Kingdom” and “the realm under heaven” coming to mean the same: The process of the formation of territory in ancient China. *Front. Hist. China*. 2008. Vol. 3. No.3.

Modern History Sourcebook: Qian Long: Letter to George III, 1793. – <https://sourcebooks.fordham.edu/halsall/mod/1793qianlong.asp>

Panaite V. Power relationships in the Ottoman Empire. Sultans and the tribute paying princes of Wallachia and Moldavia (16th–18th centuries). *Rev. Etudes Sud–Est Europ.* 1999–2000. Vol. XXXVII (No. 1–2) – XXXVIII (No. 1–2).

Quan H. The two systems of diplomacy of late Qing China: external relationship, modernization and transitional phase. *Journal of Northeast Asian History*. 2008. Vol. 5. No. 1.

Reynolds S. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford. 2001.

Schwieger P. *The Dalai Lama and the Emperor of China. A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation*. New York: Columbia University Press. 2015.

Van Soldt W. H. Ugarite as a Hittite vassal state. *Altorientalische Forschungen*. 2010. Vol. 37/2.

Van Walt van Praag M. C. *The Status of Tibet: History, Rights, and Prospects in International Law*. Boulder, Colorado. 1987.

Waddell L.A. *Lhasa and Its Mysteries, with a Record of the Expedition of 1903–1904*. New York. 1906.

Zhang Sh. A historical and jurisprudential analysis of suzerain–vassal state relationships in the Qing Dynasty. *Front. Hist. China*. 2006. Vol. 1. No. 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация.	Sergius L. KUZMIN – Doctor of Sciences (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation.
---	--